

Георгий Попов

Лестница в небо

Говорят

Говорят, будто небо приклеено к пустоте
 То ли клеим «БФ», то ли клейстером (может, врут?),
 Будто к небу прибиты десятки небесных тел
 (Это кто же летал и творил этот адский труд?),
 А на стороны света приверчены рычажки:
 Щёлкнешь левый—восход, щёлкнешь правый—горит закат.
 А ещё ходят слухи, что есть в небесах мешки:
 В тех мешках для зимы сохраняются снег и град.
 Я смеялся над этим, но позже увидел сам,
 Как срывается небо под тяжестью зимних выюг:
 Даже клей не удержит свинцовые небеса,
 Если им захотелось, качнувшись, слететь на юг.
 И тогда до весны будет падать и падать снег:
 Из небесных мешков будут звёзды слетать, кружа...
 ..Говорят, будто небо приклеят опять к весне.
 Может, суперцементом, чтоб крепче его держал...

Осенний вечер

Глаза открываю и вижу абстрактный холст,
 Как будто нетрезвый художник по небу полз:
 Местами пролил облака на ночную мглу
 И солнце свекольное кистью мазнул в углу,
 А пятна повсюду—от рук и от ног следы—
 Свиваются в небе в тоскливо горчащий дым
 Осенних костров, согревающих чьи-то сны.
 ..И россыпью звёзд на лугу доцветает сныть.
 Ты спутал, художник, все жанры в сюжет один.
 Ведь звёзды—лишь звёзды, а сныть—только сныть. Гляди.
 Ведь солнце—не свёкла, врастающая в закат...
 Подумай, художник, и грёзы врисуй назад.
 Ведь небо—лишь воздух. Обычный бесцветный газ.
 Над небом—Луна, словно Божий неспящий глаз.
 Под небом—ворона. Черна, словно ангел тьмы.
 Чуть ниже—песчинки. Наверное, это мы...
 Художник, в картинах нельзя ни мгновеньем лгать!
 ..И вот на земле нарисована лужи гладь:
 Небесное зеркало? Тайный портал в мечту?
 Абстрактные образы вижу теперь и тут.
 А лужа распахнутой пастью глотает вдруг
 И тёмное небо, и мёрзлый осенний луг;
 И только луна, словно Божий неспящий глаз,
 Из водного чрева сурово глядит на нас...

Старый рыбак

Перламутровой пуговицей на сером шёлке воды
Крупного карпа бок блеснул под луной...
То ли туман рождается, то ли от трубки дым—
Дремлет рыбак, с виду древнее, чем допотопный Ной.

Он рыбачит сколько живёт и рыбу ценить привык—
И отец, и дед кормились всю жизнь с реки,
Но тут—чудо для глаз: крупного карпа блик
И складки по шёлку воды, словно не карп, а кит

Ушёл в глубину, к луне, упавшей на донный песок.
Раскрошит рыбак весь хлеб, что взял для себя поесть,
И кинет в воду. Ведь карп мудрее лет, пожалуй, на сто,
А уважать стариков рыбак считает за честь.

Лестница в небо

Тим Вильсон почти совсем не умел мечтать:
К чему мечты, когда работы навалом?
На ночь прилечь, не думая ни черта,
А утром идти трудиться сразу усталым,
Чтоб к вечеру дали доллар, от силы два
(Разнорабочим даётся меньше, чем попрошайкам),—
Траншеи копать, колоть старикам дрова
И слышать в спину: «Эй ты, веселей давай-ка!»

Уехать бы в город, но денег у Тима нет.
Одно хорошо: одинокому надо ли много?
Бывало, к концу недели имелась пара монет,
И Тим спешил в варьете—глазеть на женские ноги.
А утром он плёлся по новой копать да рубить:
За что хоть мелочь давали, тем и бывал он занят.
Но в трудные годы Тим не скопил обид,
Не смытых с души дурными ночными слезами.

И вот однажды—видно, судьбе назло,—
С Улиссом Грантом¹ дали бумажку Тиму,
А он подумал: «Вот свезло так свезло!
Неделю могу кутить, не ломая, как дурень, спину».
Мечты улетели, как с ветки осенний лист:
Пропил он всё разом, а утром не встал с кровати.
Глядь, ангел Господень слетает кругами вниз
И громко кричит: «Отдохнул маленько, и хватит!

Давай,—голосит,—вставай: дела! Повсюду—дела!
Тебя доставить наверх положено мне бы,
Да так осточертели ваши людские тела...
Ты сам построй-ка лестницу прямо в небо!»
И Тим Вильсон поднял топор да пилу:
Он привык трудиться, что бы с ним ни случилось.
Для начала поймал скользящий солнечный луч
И прибил, чтоб в будущем лестница не качалась...

Не о тебе

Не о тебе пишу, не для тебя—
Для круглого с мороза воробья,
Для лавки, нарядившейся сугробом,
И брошу лист. А кто-нибудь прочтёт,
Воскликнув удивлённо: «Что за чёрт?!
Кто так клянётся в нелюбви до гроба?»

И в урну лист забросит, смяв в руке,
Но воробей быстрее всех ракет
Мои стихи промчит по околотку.
Вдруг чёрный кот мигнёт: мол, проходи;
Я подожду; я после; позади;
Твой путь пересекать мне—не в охотку.

Дурное счастье—думать о другом,
Смотреть, как утром всходит солнца ком
Из дальнего мороженого леса—
Ведь даже этим солнцем душу жжёт.
А воробей горланит: «Заживёт!
Она ведь—не Париж. Не стоит мессы!»

И лавка манит: «Снег раздвинь, присядь.
Когда один—повсюду тишь да гладь.
Ты слишком на влюблённого похожий».
Тогда по бели снежного листа
Пишу для лавки, воробья, Христа...
Не для тебя, не о тебе, но всё же...

Вместе

Я видел, как вечер играл в листве,
Спешащей в осенний гам,
Я видел, как старый седой рассвет
Улёгся к твоим ногам,
Как птицы спешили собраться в клин,
Чтоб плыть на юга́ сквозь дрожь,
И яблоки с веток к земле текли,
Как нудный осенний дождь.

Я видел ворону в её гнезде
Кидающей в печь дрова.
(Вороны уют создают везде,
Имея на то права.)
Но ты говорила: всё сон-обман,
И мир не такой, как есть.
Что осень и вечер свели с ума,
Что я сумасбродный весь.

Но рядом сидела, одной рукой
Моё обхватив плечо,
Другой же ловила закат легко,
Всем бликам ведя учёт.
А после мы грелись вдвоём с тобой
Теплом предстоящих дней.
Я думал: «Наверно, у нас любовь...»
И ты улыбалась мне.